Текст · 22 марта 2021, 07:43
Анна Козкина, Марина Безматерных,

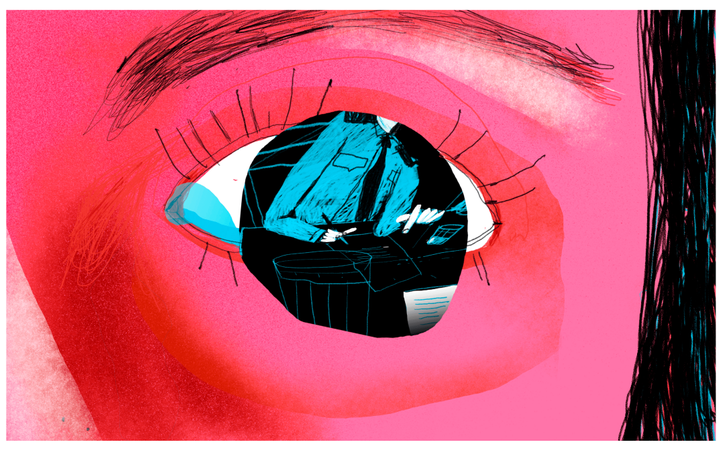
«Для следователя допрос ребенка и маньяка — одно и то же». Как дети, пострадавшие от сексуального насилия, получают новые психологические травмы во время расследования

Дети и подростки, пережившие сексуальное насилие, вынуждены раз за разом вспоминать и пересказывать детали случившегося полицейским, следователям и судьям. Это приводит к повторной травматизации, ведь пострадавший ребенок во время каждого допроса заново переживает то, что с ним произошло, считают правозащитники. Зачастую это усугубляется бестактностью и даже предвзятостью сотрудников правоохранительных органов. «Медиазона» поговорила с психологами, адвокатами и родными пострадавших о том, какие проблемы проявляются в работе следователей с детьми.

В начале марта Европейский суд по правам человека коммуницировал жалобу опекуна 13-летней Арины Петровой[1] из Казани, которую в ходе следствия и судебных заседаний не менее 23 раз просили пересказать детали пережитого в шестилетнем возрасте сексуального насилия. «Правовая инициатива[2]», которая представляет интересы девочки, считает, что власти нарушили статьи 3 и 13 Европейской конвенции по правам человека — запрет на унижающее достоинство

обращение и право на эффективное средство правовой защиты.

Во время расследования Арине поставили диагноз — пролонгированная депрессивная реакция. Врачи рекомендовали оградить ее от участия в судебно-следственных действиях, но, несмотря на заключение медиков, девочку еще трижды допрашивали во время следственных действий и дважды в судебном процессе. Позднее у ребенка выявили суицидальный риск, депрессию и повышенную тревожность. При этом судам предстоит рассмотреть еще три уголовных дела, где Арина будет вынуждена снова вспоминать подробности изнасилований, встречаться с обвиняемыми и отвечать на вопросы их адвокатов. Правозащитники опасаются, что это усугубит психическое состояние подростка.

Два года следствия и десятки допросов

Мать 11-летней Арины из Казани умерла в 2018 году. Близкие родственники не захотели брать девочку под свою опеку, поэтому она оказалась в приюте для детей и подростков «Тургай» в Сабинском районе Татарстана. Там Арина сообщила одной из учительниц о пережитом несколько лет назад сексуальном насилии. Сотрудница приюта

пересказала разговор директору учреждения, а та попросила Арину составить письменное заявление. Позднее глава приюта призналась, что сожгла-

[3] документ, поскольку «эта история больше не поднималась».

Осенью 2018 года Арину удочерила семья ее школьной учительницы Ирины Петровой. По ночам ребенка мучили кошмары, поэтому Петрова обратилась к психологам за консультацией, во время которой Арина рассказала, что в шестилетнем возрасте, когда она вместе с матерью жила в квартире тети, ее несколько раз в разное время изнасиловали четверо мужчин.

В феврале 2019 года отдел Следственного комитета по Приволжскому району Казани по заявлению Петровой возбудил первое уголовное дело о насильственных действиях[4] сексуального характера

в отношении ребенка младше 14 лет, а затем еще три.

Следствие и суды растянулись на два года, дела по разным эпизодам рассматривают отдельно. За это время девочку более 20 раз возвращали к воспоминаниям о пережитом сексуальном насилии — Арину допрашивали следователи, опрашивали психиатры, психологи и гинеколог.

Несколько раз Арину вызывали на очные ставки. На одной из них при обвиняемом и его адвокате-мужчине следователь задавал девочке следующие вопросы: «Видела ли ты, как мама и дядя Э. занимаются сексом?», «Засовывал ли дядя С. свою "писю" внутрь твоей?», а также предлагал девочке показать размер пениса и уточнить, какая

часть проникала внутрь, интересовался, смотрела ли она порносайты и подглядывала ли за тем, как моются мужчины.

Девочку несколько раз привозили на опознания подследственных. Во время одного из них обвиняемый зашел в комнату, где была Арина, чем сильно ее напугал. В другом случае, по словам юристов «Правовой инициативы», у девочки произошла «реакция замирания» — она проговаривала номер обвиняемого губами, но не могла издать ни звука; она боялась, что мужчина ее увидит и услышит, хоть он был отделен от нее зеркалом Гезелла[5].

В ходе расследования Арина «была вынуждена вспоминать и заново переживать эпизоды сексуального насилия в отношении нее по меньшей мере 23 раза», подчеркивают правозащитники. В жалобе в ЕСПЧ они отмечают, что такое обращение унижает достоинство девочки, а российское законодательство не обеспечивает необходимый щадящий режим следственных действий для несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия. В частности, следователи вели сразу четыре дела о насилии над Ариной, из-за чего количество следственных действий и участия в них девочки кратно увеличилось — объединить же эти дела не позволяет закон.

«Я очень устала, меня это история довела, — говорила опекун девочки Ирина Петрова корреспондентам "Би-би-си". — И меня пугает, что у этой истории нет конца. У меня была семья, у меня своих детей трое, был мой мир идеальный, созданный мной и

супругом, у нас есть обычаи, традиции семейные. И нас просто задергали. Это уже настолько угнетает, и главное, никому ничего не надо. Я как человек, как опекун очень устала, я вообще не могу уже видеть этих следователей».

Сейчас приемные родители Арины отказываются общаться с журналистами — семья переживает сильный стресс, объясняют правозащитники.

Адвокат «Правовой инициативы» Ольга Гнездилова отмечает, что следователи работают так и по другим делам о сексуальном насилии в отношении детей и подростков: «Сколько нужно следователю допросов — столько он и проведет. Он исходит из своих рабочих потребностей. Нечувствительность, конечно».

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«Да какая у нее травма?»

В октябре 2020 года Елена Кочемирова и ее 16-летняя дочь Оксана[6] провели ночь в коридоре оренбургского отдела полиции. Елена вспоминает, что полицейские косо на них смотрели и обращались так, будто они были задержаны за правонарушение, хотя мать и дочь пришли написать заявление об изнасиловании девушки.

Елена рассказывает, что вечером предыдущего дня Оксана просила отпустить ее погулять с

одноклассником и его другом. Было шесть вечера, на следующий день дочь должна была пойти в школу, и мать не хотела ее отпускать. Но они все же договорились — девушка пообещала, что в десять вечера будет дома.

В девять вечера Елена начала звонить дочери — хотела напомнить, что пора возвращаться. Вскоре девушка перестала отвечать на звонки, но Кочемирова не придала этому большого значения: подумала, что у Оксаны сел телефон или в дороге не ловит связь. Но и спустя час ни дочь, ни ее друг, номер которого мать предусмотрительно записала, не брали трубки.

В полдвенадцатого, так и не дозвонившись до дочери, Кочемирова позвонила в полицию, чтобы заявить о ее пропаже. Через полчаса из полиции перезвонили и сообщили, что девушка «где-то пьяная» — им удалось дозвониться до одного из молодых людей. Адрес он не сказал, но пообещал проводить девушку на автобусную остановку.

Кочемирова вспоминает, что когда она и полицейские приехали в назначенное место забрать Оксану, дочь едва держалась на ногах — ее тошнило, она была бледная, с мокрыми волосами и расфокусированным взглядом. Позже девушка рассказала, что тем вечером молодые люди предложили ей выпить, а затем изнасиловали.

В ту же ночь Кочемировы поехали в полицию. На первом допросе Оксана рассказала инспектору об изнасиловании, после чего вместе с матерью написала заявление. Мать девушки утверждает, что отец одного из подростков умолял этого не делать,

обещал заплатить, но она решила добиться наказания для изнасиловавших ее дочь подростков.

После того, как Кочемировы написали заявление, их увезли в другой отдел, где они ждали следователя с двух часов ночи до десяти утра. Ни еды, ни воды, кроме как из-под крана, им не предложили, а когда Елене позвонил ее младший ребенок, один из сотрудников пригрозил забрать телефон. По словам матери Оксаны, после бессонной ночи их пригласили на допрос, где следователь отметил, что Оксана «не похожа на изнасилованную».

Через пару часов после этого допроса, начался еще один — третий за сутки. Его провела следователь СК Надежда Воробейкина. Она одновременно пригласила в кабинет Оксану с Еленой, молодых людей и их мам, — они к тому времени тоже приехали в отдел. По словам Елены, Воробейкина при всех начала давить на ее 16-летнюю дочь: «Да какая ты потерпевшая, ты давно живешь половой жизнью, все было по обоюдному согласию». Мама одного из парней стала кричать, что напишет ответное заявление — якобы это Оксана изнасиловала ее сына, а не наоборот. В конце концов Кочемировы, которые на тот момент провели в полиции уже больше двенадцати часов, поменяли показания и написали в заявлении, что секс между подростками произошел по обоюдному согласию.

«Ощущение было такое, будто нам никто не поможет — денег на юриста нет, а там нас никто не слышал. Хотелось, чтобы все это закончилось», — говорит Елена.

Тем не менее Кочемирова обратилась в фонд «Сохраняя жизнь». Психолог фонда Ольга Кастрицына поехала на встречу в следственный отдел, чтобы объяснить следовательнице Воробейкиной: девочка травмирована, она пришла к этим парням в гости, потому что хотела с ними подружиться и не подразумевала никаких сексуальных отношений.

Кастрицына рассказывает, что разговора не получилось: «Воробейкина только посмеялась: "Да какая у нее травма?". Оксана при виде следовательницы вся сжалась. Елена Владимировна-[7] схватила дочь за руку и выбежала из участка — наотрез отказалась работать с Воробейкиной».

Информация о случившемся попала в СМИ — руководитель фонда «Сохраняя жизнь» Анна Межова опубликовала пост в фейсбуке и попросила подписчиков отправить обращения на имя главы СК с просьбой разобраться в ситуации. «После определенного резонанса СК все-таки встал на нашу сторону — Бастрыкин лично взял дело на контроль. В Оренбург приехала проверка из Москвы. Следовательнице Воробейкиной вынесли неполное служебное соответствие — она продолжает работать, но, надеюсь, это послужило для нее уроком», — рассказывает Межова. По ее словам, после беседы с московским следователем Оксана шла, подпрыгивала и радостно улыбалась: «Наконец-то мне поверили, со мной нормально поговорили».

Сейчас над делом работает другой следователь, и он хочет довести дело до суда, говорит психолог Ольга Кастрицына. Он выстроил доверительные

отношения с Оксаной и «относится к ней бережно», отмечает Кастрицына, которая присутствовала на всех допросах.

Однако завершить расследование будет непросто, считает Анна Межова — Воробейкина не изъяла улики, а фотографии изнасилования, которые, предположительно, сделали молодые люди, были просто уничтожены.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«Сегодня расследуют взятку, завтра — изнасилование»

В 2019 году в подмосковном городе Сергиев Посад четверо подростков изнасиловали 14-летнюю школьницу. Как рассказывает адвокат Анастасия Тюняева, молодые люди и девушки собрались в квартире одного из парней, чтобы отпраздновать Новый год. Уже под утро, когда остальные девушки разошлись по домам, четверо парней 16, 17 и 18 лет изнасиловали Алену[8] и сняли это на видео. Запись, на которой девочка просит парней остановиться, попала в СМИ, а затем и к следователям. Интересы девушки представляла Тюняева.

«В деле было четверо фигурантов, и с каждым из них надо было провести очную ставку — несколько длинных допросов в присутствии обвиняемого,

— рассказывает адвокат. — Алене приходилось подробно рассказывать о насилии, чтобы не было противоречий. Это было очень тяжело, потому что даже когда мы готовили показания, мне самой было трудно запомнить, кто что делал в определенный момент — грубо говоря, один ее насиловал, другой дрочил, третий рот разжимал».

По словам Тюняевой, следственные действия длились дольше положенного: «По закону[9] ребенка можно допрашивать не больше четырех часов, но они постоянно продлевались. Это незаконно, но следователи предлагали два варианта: либо продлить ставку сегодня, либо приехать еще раз завтра. Естественно, все выбирают вариант закончить сейчас, чтобы не встречаться повторно с обвиняемыми».

Анастасия Тюняева говорит, что в ее практике было около десятка дел о насилии над несовершеннолетними, и каждый раз она сталкивается с некомпетентностью следователей: «Проблема в том, что их не обучают, как работать с детьми; для них допрос детей и допрос маньяка — это одно и то же. Они не со злостью [задают вопросы], а просто не знают, как правильно».

Адвокат считает, что неправильная постановка вопроса — например, «Почему вы пришли и сообщили только сейчас?» вместо «Что вам мешало сообщить об этом ранее?» — может травмировать ребенка, как будто это он виноват в случившемся.

«Есть следователи, которые бережно общаются с детьми. Но когда у тебя висит сверху куча задач,

руководство не волнует, сколько у тебя времени. Конечно, они не думают, травмируют они ребенка или нет, — им надо заполнить документы», — объясняет Тюняева.

Адвокат отмечает, что в присутствии защитника следователи обычно ведут себя корректнее, чем если в допросе участвует только ребенок и его родители: «Например, у девочек любят спрашивать, была ли у нее до этого половая жизнь, подводя к тому, что если та была не девственницей, то изнасилование не было чем-то опасным, она уже знала, что будет происходить. Я говорю, что это не относится к делу. Тон следователя меняется, становится аккуратнее — присутствие защитника его стопорит, а ребенок и мать чувствуют себя в безопасности».

Адвокат Консорциума женских неправительственных объединений Мари Давтян также считает, что к ретравматизации пострадавших от сексуального насилия детей ведет в первую очередь неподготовленность следователей к работе по таким делам. В частности, они не знают, каких психологов привлекать к допросу: «У нас вечная проблема, что они, допустим, на сексуализированное насилие тянут педагогов с соседней школы, которые вообще не являются специалистами в области допросов детей по таким категориям дел».

Законодательство обязывает допрашивать несовершеннолетних пострадавших от сексуального насилия под камеру. Как объясняют адвокаты, это необходимо, чтобы затем ребенка не расспрашивали об обстоятельствах насилия повторно и не вызывали в суд — вместо этого следователь и участники

судебного процесса обращались бы к записи. Тем не менее в большинстве случаев следователи просят родителей или законных представителей детей подписать отказ от записи допроса на видео, рассказывает Давтян и ее коллега по консорциуму Галина Ибрянова.

Юристки объясняют это тем, что следователи не хотят фиксировать свою работу — боятся выглядеть неквалифицированными во время допроса. «У меня по одному делу был шикарный вопрос ребенку семи лет: "Что вы можете показать по существу данного уголовного дела?"» — вспоминает Давтян.

Юристка считает, что следователей не учат вести допросы корректно. «Никто не проверяет, этого человека вообще можно допускать до расследования таких дел или, может, он изначально считает, что все "бабы" и дети, которые заявляют о насилии, врут», — добавляет она.

Также в нынешней системе СК не существует специализированного отдела по работе только с такими делами. «Следователь сегодня расследует, допустим, взятку, а завтра расследует [дело о сексуальном насилии]», — отмечает адвокат.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Следователи против детей

Многочисленные допросы, пренебрежение со стороны полицейских и следователей — все это нередко становится причиной отказа детей и подростков от своих первоначальных показаний. Одна из подзащитных адвоката Галины Ибряновой, 15-летняя девушка, сообщившая об изнасиловании, решила отозвать свое заявление после издевательского отношения со стороны полицейских. «Там на нее кричали, обзывались матом, говорили, что она все придумала, потому что прогуляла колледж, а это пятница, сейчас она вот наговорит им — а им вместо того, чтобы поехать на дачу, нужно заниматься расследованием», — говорит адвокат.

По ее словам, матери девочки-подростка не сказали, что она как законный представитель может присутствовать на допросе, вместо этого ее выставили за дверь. Во время беседы с полицейскими девушка несколько раз меняла показания — то говорила, что все придумала, затем утверждала, что насилие действительно было.

«Она в шоковом состоянии без одежды там сидела в простыни, потому что одежду изъяли для того, чтобы приобщить в качестве вещественных доказательств! — рассказывает Ибрянова. — Пока мама везла одежду, она сидела в кабинете с тремя мужчинами и плакала».

При этом Ибрянова не сомневается в том, что девушка пережила изнасилование, однако в итоге она отозвала заявление. «Она просто сказала: "Я этого не выдержу, я просто не хочу"», — приводит слова подзащитной адвокат.

Юристка Мари Давтян также сталкивалась с предвзятым отношением следователей или полицейских к пострадавшим подросткам. В одном случае, известном Давтян, к потерпевшей девочке в отдел полиции даже не пускали адвокатов.

«Когда над делом работает следователь или полицейский со стереотипным мышлением, то [потерпевшую] ждет полный кошмар. Это будут многочасовые допросы, это будет явная демонстрация того, что ребенку не верят», — объясняет она. По мнению адвоката, «если следователь решил, что это дело он завалит, то он его завалит». Давтян отмечает, что даже передача дела другому сотруднику не всегда решает проблему: «Я знаю ситуации, когда просто люди сдаются в конце, потому что матери говорят: "Вы знаете, я просто вижу, что теряю своего ребенка в этом следствии"».

Адвокаты и правозащитники сходятся во мнении, что следователей необходимо обучать методикам расследования таких дел. «Правовая инициатива» предлагает опираться на методические рекомендации вроде разработанных специалистами для расследования подобных дел для петербургского управления СК. Также правозащитники составили список своих рекомендаций для следователей, чтобы те учитывали при расследовании состояние пострадавшего ребенка.

> Авторы методических рекомендаций по ведению допроса несовершеннолетних считают-, что общение с любым ребенком должно происходить как с дееспособным свидетелем,

«показания которого не должны считаться недействительными или недостоверными лишь по причине его возраста». Они считают, что следователи должны прилагать все усилия «для создания максимально благоприятной для ребенка обстановки и наиболее подходящих условий».

Кроме того, в разработанной методичке отмечается, что количество допросов ребенка должно быть ограничено, при этом проводить их должен один и тот же следователь. Для улучшения качества допроса следователям предлагается использовать следующие фразы: «Я хочу понять тебя», «Скажи мне, если ты думаешь, что я тебя не понимаю», «Скажи мне, если тебе неловко, стыдно говорить», «Я не буду злиться и не буду недоволен(а), что бы ты ни сказал(а)».

Адвокат «Правовой инициативы» Ольга Гнездилова считает, что в делах о сексуальном насилии над детьми следователю стоит больше консультироваться с психологом, который сопровождает ребенка на допросе: «Даже в деле Арины психологи были квалифицированные, подготовленные, но сам темп, который задал следователь, не позволял его перебивать. Они останавливали вопросы только, если это уже из ряда вон выходящие. Было бы очень хорошо, если бы вопросы согласовывались с психологом до того, как следователь их задает».

По мнению Гнездиловой, есть вопросы, которые необходимо сформулировать в деликатной форме. «Нельзя спрашивать, например, "Почему ты не кричала". Это перекладывание ответственности, —

объясняет она. — Ребенок потом будет полжизни думать: почему, действительно, она не кричала. Даже если следователь произнес этот вопрос, а психолог говорит, что не надо на него отвечать, потому что он некорректный — уже поздно».

Редактор: Мария Климова

---

1. Имя изменено.
2. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Правовая инициатива» внесена Минюстом в «реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».
3. Следователи не нашли в действиях директора и сотрудниц приюта состава преступления, поскольку информирование о преступлениях против детей «не прописано в должностных обязанностях сотрудников».
4. Пункт «б» части 4 статьи 132 УК.
5. Полупрозрачное стекло, которое с одной из сторон выглядит как зеркало, а другой — как затемненное стекло.
6. Имя изменено.
7. Мать Оксаны.
8. Имя изменено.
9. В части 1 статьи 191 УПК указывается, что следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего старше 14 лет не могут продолжаться дольше четырех часов в день.